

Всё вышло именно так, как он и предполагал: проснувшись после короткого сна, У Совэй почувствовал, что голова раскалывается от боли. Он прямиком отправился к куратору и взял отгул на три дня, что вместе с выходными дало ему в сумме пять свободных суток.

У Совэя выдал хриплый голос и воспаленные, покрасневшие глаза, поэтому куратор не стал задавать лишних вопросов и сразу подписал заявление.

Приняв жаропонижающее и наскоро собрав вещи, У Совэй помчался на вокзал, чтобы успеть на скоростной поезд.

Вернувшись в прошлое, он больше всего на свете хотел увидеть двоих: мать и Чи Чэна. Он прекрасно понимал, что болезнь матери неизбежна и одной лишь операцией её не вылечить, поэтому единственное, что он мог сделать — это начать следить за её питанием прямо сейчас.

Когда У Совэй добрался до дома, мама сидела во дворе на стуле, прикрыв глаза и отдыхая. Рядом стояла корзина с только что выдернутой редькой, на которой еще виднелись комья земли.

— Мама! — У Совэй бросил рюкзак и опустился перед ней на колени.

Мать вздрогнула от неожиданности, а затем, увидев сына, просияла:

— Да Цюн, ты вернулся!

Она взяла его лицо в свои ладони, внимательно разглядывая со всех сторон:

— Только ведь в университет уехал, а уже так похудел. Неужели еда в столовой не по вкусу?

У Совэя, стараясь сдержать слезы, почувствовал, как защипало в глазах:

— Там не так вкусно, как у тебя.

Уже много лет он не пробовал маминой стряпни.

Мама с досадой улыбнулась:

— Я ведь говорила, если в школе кормят плохо, покупай что-нибудь в городе. Посмотри на себя, до чего дошел!

— Всё в порядке, мам, — ответил У Совэй. — Просто на военной подготовке было слишком тяжело, вот аппетит и пропал. Сейчас всё закончилось, и я снова начал нормально есть.

— Ну и хорошо, — кивнула мать. — Иди отдохни немного, я пойду приготовлю чего-нибудь.

У Совэй хотел помочь на кухне, но мама трижды выпроваживала его прочь, и лишь когда она по-настоящему рассердилась, он послушно ушел в свою комнату.

Пока мама готовила внизу, он лежал на кровати, листая старые комиксы, и ему казалось, будто время повернуло вспять, к тем дням, когда мама еще была рядом. У Совэй невольно улыбнулся, но, машинально взглянув на прикроватную тумбочку, вдруг помрачнел.

Раньше там стояла их с Чи Чэном совместная фотография. Он отлично помнил тот день: накануне Дня матери он среди ночи так сильно затосковал по дому, что Чи Чэн тут же сел за руль и привез его сюда, а потом обнял его во дворе, и они сфотографировались.

Теперь тумбочка была пуста, и в душе У Совэя тоже образовалась пустота. За столько лет Чи Чэн стал неотъемлемой частью его жизни.

Раньше в комнате всегда пахло Чи Чэном, а теперь — только им самим.

При мысли об этом У Совэй с хлопком захлопнул комикс. Он решил: нужно как можно скорее прибрать Чи Чэна к рукам, нельзя позволять ему так долго гулять на воле.

За ужином, глядя на заставленный едой стол, У Совэй пробормотал:

— Мам, нас ведь всего двое, слишком много наготовила... Чи...

Чи Чэна здесь не было.

Оставшиеся слова У Совэй проглотил.

Мама положила ему в чашку несколько кусочков овощей:

— Ничего, ешь не спеша. Ты так редко приезжаешь, нужно как следует подкрепиться.

У Совэй, который так давно не ел маминой еды, жадно набросился на ужин. Мама смотрела на него с нежностью, а когда он закончил, осторожно спросила:

— Да Цюн, у тебя в университете всё в порядке?

Университет далеко, праздников сейчас нет, и, хотя она была рада его приезду, на душе было беспокойно. Сын у неё такой добрый и доверчивый — вдруг его там кто обижает?

Мама осторожно положила руку ему на плечо:

— Если что-то случилось, Расскажи мне. Не держи всё в себе, нет таких бед, с которыми нельзя справиться.

У Совэй успокаивающе улыбнулся:

— Мам, ты накручиваешь. Всё отлично, просто какая-то компания арендовала наш кампус для мероприятия, вот нас и распустили на каникулы.

— Неужели в университетах тоже арендуют площадки? — удивилась мать.

— Конечно! Территория большая, вот все и стремятся туда. Всё как в школе, когда я учился в старших классах.

Когда он учился в школе, дом был рядом, и в горячую пору сбора урожая он постоянно придумывал предлоги, чтобы сбежать с занятий и помочь матери. Чтобы она не сомневалась, он всегда говорил, что школу арендовали под нужды города.

Хотя в этот раз он действительно вернулся из-за болезни, правду говорить не хотелось — не хотел, чтобы мама волновалась.

Мать задумчиво кивнула:

— Вот оно что... Не знала, что университеты тоже сдают в аренду. Ладно, доедай и иди отдыхать.

— Я уже всё, — У Совэй отложил палочки.

Мать с удивлением посмотрела на его чашку — там еще оставалась половина порции.

У Совэй тут же спохватился. Семья у них была небогатая, и мама с детства приучала его к бережливости — оставлять еду считалось плохим тоном. Он всегда старался точно рассчитывать силы, но человек — не машина, и иногда, взяв полную порцию, он понимал, что не осилит. В таких случаях он обычно давился, но доедал.

Позже, когда он сошелся с Чи Чэном, тот, желая откормить его, всегда накладывал ему полные чашки с горкой. У Совэй постоянно не доедал, и Чи Чэн всегда доедал за ним.

Чи Чэн никогда не позволял ему есть вчерашнее — всегда готовил свежее, а остатки забирал себе. Так у У Совэя сформировалась привычка.

У Совэй нашелся:

— Ой, мам, у нас в кампусе живет бродячая собака, ей кто-то лапу сломал. Мы в общежитии договорились каждый раз оставлять немного еды для неё.

— Бедненькая...

У Совэй, чувствуя укол совести, кивнул и снова принялся за еду.

После ужина он лежал на кровати, поглаживая набитый живот. Он достал телефон и уставился на аватарку Чи Чэна — там стоял его маленький укусный котик.

— Маленький укусный котик, папочка тоже очень скучает по тебе. Так хочется тебя обнять.

Радость от возвращения домой прошла, а вместе с ней пришла тоска. В первую же ночь дома он мучился от бессонницы. Раньше каждую ночь он засыпал в объятиях Чи Чэна, вдыхая его особенный запах, и чувствовал себя в полной безопасности. А если Чи Чэн уезжал в командировку, У Совэй спал, обнимая его одежду.

Знал бы, не стал бы пить лекарство — по крайней мере, в полубреду было бы легче уснуть. Теперь же, когда физически ему стало лучше, голова прояснилась, и игнорировать одиночество стало невозможно. Он безумно скучал по Чи Чэну, по его теплым объятиям.

Он ворочался с боку на бок, превратив простыни в мятый комок. Пытался считать овец, включал записи для медитации, делал упражнения — спустя два часа мучений он лишь окончательно взбодрился.

У Совэй понял: Чи Чэн — сущий демон.

Почему страдать должен только он один? Он открыл запрос на добавление в друзья от этого человека и напечатал:

— Я жду тебя.

Подумав, что этого мало, добавил:

— Не забудь приехать~

Отправив сообщение, У Совэй с удовлетворением отложил телефон и снова попытался уснуть.

...

Тем временем в самом центре города, в Цзинхуа, зажглись огни ночной жизни.

Роскошные автомобили один за другим останавливались у входа в самый престижный клуб города — Емэй. В кабинке номер 1888 десятков людей шумно развлекались, играя в игры на пальцах.

Чуть поодаль, на диване, в простой повседневной одежде сидел Чи Чэн и пил вино. В

полумраке его лицо казалось ледяной маской, и те, кто хотел подойти познакомиться, благоразумно отступали.

Го Чэньюй, обнимая девушку, вошел в зал и с первого взгляда понял, что с Чи Чэном что-то не так. Он хлопнул спутницу по плечу, и та понятливо отошла в сторону.

Го Чэньюй усмехнулся:

— Что такое? Вид у тебя хуже некуда!

Чи Чэн лениво приподнял веки и бросил на него взгляд, в котором отчетливо читалось: Не прикидывайся дураком!

Го Чэньюй подсел ближе, обнял Чи Чэна за плечи и рассмеялся:

— Да ладно тебе, стоит ли так злиться? Ну не застал ты его в университете, подумаешь! Монах убежит, а монастырь останется. Чего нервничать? В следующий раз съездишь.

Слушая «утешения» Го Чэньюя, Чи Чэн сбросил его руку:

— Иди к черту. Не говори, что не понял — он просто водит меня за нос. Да чтобы я, и позволил кому-то себя дурачить?!

До сих пор только он обводил других вокруг пальца. Фальшивое имя, фальшивый университет, специально взятый отгул — это же явный вызов, он держит его, Чи Чэна, за дурака. Смертник.

Улыбка Го Чэньюя стала шире:

— Ну, зато теперь у тебя новые ощущения. Ты же вечно жаловался, что скучно. Вот, подвернулась дерзкая игрушка, разве не весело?

Чи Чэн прищурился:

— Весело? Сейчас я хочу только одного — придушить его.

Не берет трубку, не отвечает на сообщения. Совсем страх потерял.

<http://bllate.org/book/20872/2107325>